

МОРИС ЭМАР

МНОГООБРАЗИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Как и многие другие понятия, используемые историками, термин «цивилизация» представляет для многих известные трудности. Но история не математика, она не дает точного определения своим понятиям, большинство из них взяты из разных областей знаний и характеризуются значительной семантической эластичностью. Именно этой гибкостью всякий раз пользуются авторы, чтобы вложить в свои слова тот смысл, который отвечает стоящим перед ними целям. Термин «цивилизация» занимают в этом отношении весьма сложную позицию — он находится где-то посередине между реальностью и воображением. Поэтому в дальнейшем изложении сходство и разница между смыслами всегда будут предметом обсуждения.

Перед рассмотрением нашей главной темы считаем необходимым поставить три вопроса:

- 1) почему?
- 2) как?
- 3) можно ли спланировать и организовать изучение цивилизаций на международном уровне более эффективно?

1. Почему?

Мы стоим на пороге «глобального мира», а внешние студенты станут его активной частью. Главными (но не единственными) чертами этого мира уже являются и будут и дальше оставаться таковыми постоянно растущая и ускоряющаяся циркуляция идей, людей, товаров, капиталов и информации по всей планете, а также расширяющееся взаимодействие между различными частями мира. Но циркуляция и взаимодействие сами по себе не означают унификацию: она есть и будет только одной частью, одним уровнем проблемы и всегда будет сосуществовать с растущим осознанием

Морис Эмар — директор Дома наук о человеке (Франция), иностранный член РАН, профессор

многоуровневого разнообразия и все большим желанием это разнообразие защитить.

С XIX века и по сей день преподавание истории представляет ключевой элемент начального и среднего образования. И даже если бы в школе постепенно наметилось углубленное изучение событий прошлого в плане более широких международных контактов (континентальных и межконтинентальных), ядром преподавания все равно осталась бы история каждой конкретной страны со времен ее возникновения. События национальной истории рассматриваются как фактор, сыгравший фундаментальную роль в становлении различных национальных государств и в самоидентификации всех граждан этих государств независимо от их социального и культурного статуса. Преподавание истории использовалось и используется по сей день как инструмент для построения логически связанной коллективной национальной идентичности.

Эта роль сама по себе уже объясняет содержательную суть преподавания истории. Предпочтение всегда отдавалось политической стороне вопроса, так что формирование нации в качестве независимой единицы описывалось как необходимый итог длительного и сложного исторического процесса. Обретение политической независимости за последние 60 лет всеми странами, где Европа ранее насаждала свое колониальное правление,

События национальной истории рассматриваются как фактор, сыгравший фундаментальную роль в становлении различных национальных государств и в самоидентификации всех граждан этих государств независимо от их социального и культурного статуса. Преподавание истории использовалось и используется по сей день как инструмент для построения логически связанной коллективной национальной идентичности

только усилило эту тенденцию и сделало ее общим правилом.

Доминирование этой тенденции все же не означает, что другие аспекты исторической эволюции систематически игнорировались: искусство и культура, религия, экономика, социальные трансформации безусловно занимали определенное место в преподавании истории, но они не были центральными. Они использовались либо как общие рамки, либо для объяснения специфических категорий конфликтов, в которых религиозные и политические интересы сливались воедино, например в период экспансии ислама в западное Средиземноморье, или в эпоху Реформации, которая разделила западноевропейский христианский мир на две части, на две группы государств — протестантские и католические. Искусство и культура могли использоваться и для подчеркивания глобальности политического превосходства: Версаль и классическое французское искусство были частью славы Луи XIV и идентифицировали его.

Несколько иначе обстоит дело в отношении цивилизаций прошлого, политические сущности которых давно стерлись. Но сами цивилизации до сих пор в определенной степени живут благодаря тому, что они оставили нам в наследство, или через то, что мы узнали о них по археологическим раскопкам (религиозные, военные и архитектурные памятники, религии, языки, литература, традиции и такие технические инновации, как письмо). На взгляд жителя Западной Европы, набор цивилизаций, которые рассматриваются при преподавании истории, довольно любопытен: прежде всего это Рим и Греция, в которых Европа, начиная с XV века (тогда речь шла о Риме) и заканчивая XVIII–XIX веками, решила черпать свои истоки, несмотря на то что средневековая Европа зародилась в результате победы варваров над Римом (целое тысячелетие византийской истории было исключено из греческого наследия, и все ограничилось только античной Грецией). К этим двум главным цивилизациям прошлого, которые конституировали ядро классического образования, развитого и формализованного в начале современного исторического периода, в XVII–XIX веках были добавлены цивилизации Ближнего Востока — Египет и Месопотамия, которые развивались в период между III и I тысячелетиями до нашей эры и были поглощены военной экспансией греков и римлян. Этим цивилизациям приписывают три главных инновации, считающиеся тремя важнейшими фундаментальными этапами исторического прогресса: создание техники устойчивого сельскохозяйственного земледользования; формирование государства с по-

литическим лидером, правительством и армией; изобретение письма. Последнее особенно важно для историков, которые научились четко различать историю и письмо. Когда я был студентом, меня учили, что «история началась с Sumer» — книги, которая была очень популярна в то время (сегодня это выглядит как нонсенс). «Научная революция» в археологии оборвала привилегированную связь между историей и письмом и устранила границы между историей, протоисторией и предисторией: любой материальный объект в наши дни может дать нам более полезную информацию о прошлом, чем написанный текст.

Приходится отмечать в этой связи, что Индия и Китай оказались на периферии рассмотрения: их присутствие в европейских учебниках ограничивалось хронологией их прямых связей с Европой и Средиземноморьем. Книги, посвященные восточным цивилизациям, предназначались для специалистов и образованной публики, которая желала расширить горизонты своих знаний, полученных в университете (см., например, сериал *Destins du monde* («Судьбы мира») Люсьена Февра).

История не может больше писаться и преподаваться с точки зрения одной страны или даже одной отдельно взятой цивилизации. Нам необходимо найти новые способы ее написания и преподавания

Я не думаю, что данный способ преподавания истории сегодня полностью утратил свои значение и интерес. Он остается необходимым. Но следует только отметить, что он теперь недостаточен, ибо более не удовлетворяет наши потребности и, тем более, потребности наших студентов. Они будут жить в мире, в котором национальные государства, конкурируя друг с другом, будут сообща, с трудом строить новый и, я надеюсь, миролюбивый миропорядок. Но они также будут жить во все более глобальном мире (они уже живут в нем сегодня), который нуждается в новых инструментах взаимопонимания. История не может больше писаться и преподаваться с точки зрения одной страны или даже одной отдельно взятой цивилизации. Нам необходимо найти новые способы ее написания и преподавания.

2. Как?

Ответ на этот вопрос не очевиден, а задача сама по себе сложна. Необходимо изменить некоторые приемы преподавания, но большинство коллег-историков довольно консервативны. Одни привыкли преподавать определенным образом, другие не

склонны или не способны к переменам, потому что подчас просто не имеют необходимого спектра и глубины знаний, которые требуются для преподавания совершенно иных вещей совершенно иным способом. В этом отношении очень поучителен пример преподавания истории в старших классах французских школ в XIX веке. В начале 1960-х годов Фернан Бродель убедил Министерство образования в необходимости изменить программу по истории для последнего года школьного обучения (юноши и девушки 17–18 лет) и целиком посвятить ее великим цивилизациям настоящего и их историческим корням. Это был период «холодной войны», период появления «третьего мира» как политической альтернативы разделению мира на две группы стран с двумя разными формами организации экономики и общества. Руководители Министерства тогда говорили, что такую программу невозможно будет преподавать, но Бродель и трое его более молодых коллег написали соответствующее пособие, которое вышло в 1963 году. Я, тогда молодой профессор, имевший всего лишь годичный опыт преподавания в старшей школе, видел реакцию моих коллег: они оставляли это пособие себе, берегли его, но говорили, что оно слишком трудно для студентов (хотя и полезно для организации их обучения); вместо него они использовали и предлагали студентам приобретать другие пособия, которые были всего лишь модификациями уже издававшихся ранее учебников. Так что введение новой программы изучения истории для последнего года обучения в школе закончилось провалом. Через два-три года, после сильного сопротивления со стороны Министерства, эта программа вообще была отменена. Во Франции пособие Броделя полностью исчезло, но оно было переведено на несколько языков под названием «История нашего времени». На родине автора пособие переиздали только после его смерти, в конце 1980-х годов, под названием «Грамматика цивилизаций», и к этой книге я имел удовольствие написать предисловие.

Безусловно, модель Броделя как таковая сегодня уже не так актуальна, но мы можем найти немало полезного на том пути, которым он предложил пойти. Вот четыре основных тезиса Броделя.

Первый тезис. Мир сегодня разделен между небольшим количеством великих цивилизаций. Они занимают определенную территорию, границы которой давно стабилизировались и почти не меняются (если и меняются, то очень медленно).

Второй тезис. Под цивилизацией мы можем понимать более или менее стабильный набор взаимосвязей между культурой, политикой, экономикой, техникой, социальной организацией, религией и т.д. Это не значит, что данные взаимосвязи

не меняются, но их изменения очень медленны, намного медленнее ритма политических и военнополитических событий. При этом может меняться относительная важность различных компонентов цивилизации (например, по Броделю, христианство и ислам постепенно вышли за рамки своих изначально узких границ и распространились почти на всю Римскую Империю и на весь Ближний Восток соответственно).

Третий тезис. Прошлое всегда объясняет настоящее и помогает лучше его понять; цивилизации могут быть поняты только в долгосрочной перспективе.

Четвертый тезис (он был сформулирован еще в книге Броделя о Средиземноморье). Цивилизации не являются перманентными, закрытыми единицами, изолированными от внешнего влияния. Они всегда общаются и обмениваются друг с другом. В любой момент времени цивилизация может быть определена тремя вещами: 1) что она дает другим; 2) что она берет у других и адаптирует для своих нужд; 3) что она отказывается принимать. Подобные отказы не могут сегодня использоваться в качестве аргумента в пользу войны цивилизаций, они только часть намного более сложной игры, для изучения которой представляют интерес быстро протекающие ныне процессы модернизации Китая и Индии.

С 1963 года многое изменилось. Пал «железный занавес» в Европе, в мире идет быстрый процесс интернационализации экономики, на передовые позиции выдвигаются Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, в которых все видят главных игроков XXI столетия.

Концепция цивилизации сама по себе все больше подвергается критике теми людьми, которые подчеркивают, что успех великих цивилизаций стал возможен благодаря устранению или вытеснению большого количества локальных «культур». В данном случае слово «культура» понимается в том смысле, в котором его используют антропологи, противопоставляя его слову «цивилизация». Именно «культуры» были главными и первыми жертвами процесса унификации. Так, все мы знаем, что каждый год исчезает большое количество языков. Этот деструктивный процесс ставит под угрозу культурное разнообразие человечества, не менее важное, чем разнообразие биологическое, животное или растительное.

Подобная аргументация звучит сегодня в Европе на двух уровнях. На более высоком уровне она развивается теми, кто видит опасность в процессе унификации, начавшемся 50 лет назад, и кто пытается защитить национальные государства от бюрократии и международного рынка, возможность контроля над которыми сегодня

утратили уже все государства. Есть и аргументация более низкого уровня. Она развивается теми, кто защищает местные культуры, уничтожить которые попытались национальные государства, и кто сегодня видит новые возможности для возрождения европейского супранационального контекста. Здесь уместно вспомнить Каталонскую автономию в Испании и Фландрию в Бельгии. Сегодня во Франции уже не отказывают в регистрации имен, которые дают детям в Бретани, по причине того, что они происходят из бретонской языковой традиции и не входят в официальный перечень имен.

Итак, мы должны прийти к согласию по целому ряду определений и толкований слова «цивилизация», по вопросу отношения между цивилизацией и религией, а также по главной задаче нашего проекта — составлению перечня факторов разнообразия нашего мира.

Этот документ будет полезен, только если он, с одной стороны, поможет нам это разнообразие защитить, а с другой, позволит уважать другие мнения и понять, на чем эти мнения основываются.

На данной стадии рассмотрения проекта представляет интерес пример Европы. Европейская цивилизация, если мы можем о таковой говорить,

Главными чертами глобального мира являются постоянно растущая и ускоряющаяся циркуляция идей, людей, товаров, капиталов и информации по всей планете, а также расширяющееся взаимодействие между различными частями мира

никогда исторически не ассоциировалась с государством, которое контролирует всю территорию континента. Европа всегда была разделена политически и религиозно. Цивилизация здесь всегда была международным понятием. Цивилизация «элит» идентифицировала себя с культурой, образованием, искусством, музыкой, живописью, архитектурой, которые не требовали какого-либо перевода на другие языки, а также с литературой, которой перевод был необходим. Но Европа также дала жизнь цивилизации «деревенской», созданной сильными крестьянскими сообществами, коммунами, и цивилизации «городской», которая ведет свой отсчет с начала второго тысячелетия. И, наконец, с XVI века Европа трансформировалась под влиянием процесса открытия новых частей света и своего доминирования в них. Этот процесс создал новые европейские цивилизации вне Европы, а также более хрупкие колониальные общества, многие из которых выжили после борьбы за независимость, но оставили после себя очень сложное и до сих пор живущее наследие.

Начинать изучение истории с современного этапа удобно, так как наши студенты находятся с этой современностью в непосредственном контакте и получают постоянный приток информации из различных источников: книг, журналов, фильмов, и во все большей степени из Интернета. Он уже стал для них главным источником информации, в отличие от книг в библиотеке

3. Можно ли спланировать и организовать изучение цивилизаций на международном уровне более эффективно?

Отвечая на этот вопрос, предлагаю только несколько тем для дальнейшей дискуссии.

Первая. Прошло то время, когда один человек, даже такой великий историк, как Бродель, может в одиночку написать подобную книгу. Поставленная задача должна решаться в условиях, когда во многих странах появляются динамичные научные сообщества. Сотрудничество с ними абсолютно необходимо, если мы хотим преодолеть различия, которые могут быть между научными школами, и выработать то, что, возможно, и не станет синтезом, но будет хотя бы результатом многостороннего подхода к рассматриваемому феномену. Этот многосторонний подход требует паритета между всеми участниками.

Вторая. Наше предложение к различным местным сообществам должно учитывать различия между ними и сохранять для них свой вдохновляющий характер. Например, для Мексики, как и для мно-

гих других стран Латинской Америки, наш подход к преподаванию должен принять во внимание фундаментальный вопрос об отношениях сегодняшней цивилизации с доколумбовыми, которые были почти полностью разрушены и вытеснены испанскими конкистадорами. Новое отношение к местному прошлому и исторической преемственности, ярко демонстрируемое, например, грандиозным Музеем антропологии города Мехико, может служить хорошим базисом для исследования других цивилизаций. То же самое верно для многих других стран, где большая часть населения происходит от африканских рабов, перевезенных в Америку европейцами в XVI–XIX веках. Это означает, что каждый может быть заинтересован в изучении и понимании других цивилизаций только при условии, что его собственная цивилизация признана во всех ее уникальности, богатстве и идентичности.

Третья. Начинать изучение истории с современного этапа удобно, так как наши студенты находятся с этой современностью в непосредственном контакте и получают постоянный приток информации из различных источников: книг, журналов, фильмов, и во все большей степени из Интернета. Он уже стал для них главным источником сведений, в отличие от книг в библиотеке, которые в их представлении написаны для специалистов, а не для студентов, независимо от того, идет ли речь о старшей школе или об университете. Мы должны использовать эти громадные объемы информации,

изображений, музыки, текстов и т.д., мы также должны учить и студентов пользоваться ими. Сеть Интернет стала идеальным инструментом поддержки для программ обучения, иллюстрирующим различные аспекты каждой цивилизации (искусство, культуру, религию, повседневную и семейную жизнь, материальные ценности, праздники и церемонии, межличностные и общественные отношения и т.д.) и дающим полное представление об уникальности каждой цивилизации, о различиях и сходствах между ними. Мы должны разработать в сети особые образовательные продукты, в задачу которых не входит конкурирование с огромным объемом информации, уже доступным через Google и другие сайты. В этих продуктах необходимо зафиксировать ключевые направления и исследовательские программы, которые могли бы начинаться с сети и далее развиваться посредством поиска в библиотеках, поскольку главным стимулом к преподаванию всегда было создание большей автономной критической пропускной способности у студентов, а не простое «закачивание» в них пассивных знаний.

Четвертая. Начало преподавания истории с настоящего момента содержит еще одно преимущество: студенты одновременно имеют сразу несколько идентичностей без обязательства делать между ними выбор. Они — граждане глобального мира, граждане своей страны, а также своего города или поселка, члены семьи. Они также могут быть членами многих других социальных групп. Они уже живут и будут жить в многоуровневом мире будущего.

Различные цивилизационные процессы, доминировавшие в истории XIX и XX веков, продолжают и на наших глазах

Следует еще раз отметить, что термин «цивилизация» имеет неоднозначный характер. Он имеет как минимум два значения. Первое — динамичное (в том смысле, в каком Ноберт Элиас говорит о *Zivilisierung Prozess*) — позволяет обозначить серию трансформаций, с большим или меньшим успехом в определенные моменты истории связанных элитами с массой населения. Это значение противопоставляет цивилизацию не столько варварству, сколько «грубости» и «дикости». Второе значение — статическое — опирается на два противопоставления (греки их смешивали, когда обозначали всех своих соседей словом «варвары»; в более поздний период они стали различать противопоставления, сохранив это имя только за своими соседями-врагами персами). Первое противопоставление — между цивилизацией и варварством

(которое предполагает отношение превосходства одной цивилизации над другой); оно еще и сегодня настойчиво питает высокомерие одной цивилизации по отношению к другой, рассматриваемой как неполноценная и дикая. Второе противопоставление — между одной цивилизацией и другой или несколькими другими на правах равенства (на основе простой констатации различия).

Необходимо обратить внимание на тот факт, что различные цивилизационные процессы, доминировавшие в истории XIX и XX веков, продолжают и на наших глазах. Они способствовали фундаментальной внутренней трансформации содержания большинства цивилизаций: *peasant into national citizens* (Евгений Вебер), урбанизации, индустриализации, всеобщей грамотности (Джек Гуди) и процессу становления среднего и высшего образования, трансформации соотношения между полами и возрастами (внимание вопросам детства, пенсионному обеспечению пожилых людей), увеличению продолжительности жизни благодаря гигиене, улучшению питания и медицинского обслуживания, обучению политике и распространению политической демократии.

Таким образом, слово «цивилизация» полисеманлично. К этому историки привыкли. Термины, которыми пользуются историки (в том числе и термины, имеющие концептуальное значение), все-таки не обладают категоричностью математической дефиниции. Кроме того, эти термины всегда имеют свойственные полисемантности преимущества и ограничения.

Термин «культура» также двойственен, так как он служил и служит еще для обозначения артистической и литературной культуры цивилизации. В немецком языке наряду с термином *Kultur* употребляется также слово *Bildung*. Такому «элитистскому» использованию понятия культуры польские археологи противопоставили термин «материальная культура», который Бродель предпочел перевести на французский язык как «материальная цивилизация». Многие антропологи не принимают термин «цивилизация» и считают, что историки называют этим именем как доминантные культуры, которые в конце концов взяли верх над другими культурами, сведенными в разряд культур локальных и примитивных, так и те культуры, которые заняли место погибших цивилизаций.

Все эти семантические оговорки имеют значение, даже если мы рассматриваем другую проблему, — проблему, которую ставит перед нами процесс, называемый глобализацией. Он, по мнению многих, представляет некий новый этап мирового развития, который, возможно, приведет к закату вчерашних победителей (мы продолжаем

называть их «цивилизациями» и относим к ним и себя) и к возникновению некоей высшей и единой цивилизации, не на уровне крупных региональных ансамблей, как ранее, но в мировом масштабе. Такая перспектива могла бы оборвать связи между сегодняшним днем и вчерашним. Поэтому мы собрались здесь, чтобы сформулировать и предложить нашим студентам взгляд на связь времен. Этот взгляд предусматривает:

- ◆ необходимость изучения уже сложившихся разнообразных человеческих обществ;
- ◆ осознание того, что разнообразие является условием общения и диалога;
- ◆ осознание того, что разнообразие является одновременно богатым наследством, сравнимым с нашим генетическим наследством, и фактором смысла, в той мере, что оно нас включает в ход истории, изначальные границы которой отождествляются не со временем организованных обществ, вооруженных государственностью и письменностью, но со временем человечества с момента появления человека на Земле.

Европейская и исламская цивилизации развивались параллельно, оказывали друг на друга сильное влияние и в конце концов научились уважать друг друга. Сегодня они могут развивать новые формы взаимодействия

Сложности, которые нам предстоит преодолеть, многочисленны. Нам надлежит в процессе преподавания еще больше уяснить, что обучаемая нами молодежь выросла в мире, весьма отличающемся от того, в котором сформировались мы, и что она представляет будущее, опираясь на свой опыт, а не на наши знания прошлого. Поэтому нужно показать им, что каковы бы ни были разрывы в развитии, характерные для сегодняшнего дня, этот процесс вписывается в поток исторических континуумов, берущих начало в далеком прошлом. И что это прошлое по сути всегда живо в нас и в них, в наших и в их способах мыслить и верить, в наших и в их отношениях с другими, в терминах, которые употребляются ими и нами, в ценностях, которые разделяем мы и они, и во временных и пространственных реперах, которые мы и они используем в своей жизни.

Есть и второй путь, который мог бы «сгладить» последствия современной глобализации: она не нечто необычное, а всего лишь этап длительного процесса. Она сегодня касается лишь небольшой части мирового населения; она затрагивает лишь какую-то часть нашего образа жизни, в котором континуумы по меньшей мере столь же сильны,

что и разрывы, и где происходят другие процессы, подчас идущие в противоположных направлениях. В частности, идет процесс укрепления национальных государств, особенно в недавно созданных самоутверждающихся государствах; активно проявляются и процессы роста идентичности национальных меньшинств, которые национальные государства пытались «сnivelировать».

Если мы понимаем под глобализацией очень быстрый рост объема и скорости распространения по миру товаров, информации, людей и капиталов, то нынешняя глобализация характеризуется ускорением и увеличением амплитуды старинного процесса, который проявился на региональном, а затем, начиная с XV века, и на мировом уровне. Имеется в виду начало установления контактов между двумя мирами, ранее не знавшими друг друга (между Старым и Новым Светом), и создание базы для всемирных трансокеанских перемещений. Тем самым были объединены различные уже существовавшие наземные и морские пути (Центральная Азия, Восточная и Юго-Восточная Азия, субсахарская Африка, Средиземноморье, Европа и т.д.), к которым добавились трансатлантические и транстихоокеанские маршруты.

Нынешняя глобализация касается напрямую лишь части населения: во-первых, самых бедных, вынужденных эмигрировать или мириться с мизерной зарплатой, чтобы выжить; во-вторых, социальной и экономической элиты, извлекающей из глобализации выгоду. Интернет пока доступен небольшому числу людей, а подавляющее количество наших перемещений, покупок, ежедневных контактов, наша личная и семейная жизнь продолжают осуществляться на локальном уровне.

Однако наблюдаются и разнообразные противоположные процессы: медленное становление нового мирового равновесия мультиполярного типа; уже упоминавшееся укрепление национальных государств и возврат к рассмотрению проблем идентичности национальных меньшинств. Общим фактором, противостоящим глобализации, становится, видимо, поиск идентичности и своего особого места.

Следует отметить, что цивилизации, на которые мы ссылаемся, не являются какими-то замкнутыми конструкциями. Это суть продукты исторического созидания: они сформировались в результате многочисленных обменов с внешним миром; они отдавали, заимствовали, распространяли, отвергали; они нередко принимали то, что поначалу отвергали. Эти цивилизации шли своими путями, как это хорошо видно на примере Китая.

Китайская цивилизация очень давно и в течение длительного времени, несмотря на войны и раз-

Неарабский ислам в демографическом отношении превосходит ислам арабский. Коран там читают по-арабски, но арабский язык не понимают и чаще всего не переводят

межевания, идентифицировалась с пространством, на котором возникло государство. Цивилизация попыталась решить проблемы, создавшиеся из-за громадности ее пространства и отношений с подчас агрессивными соседями, путем централизации. Она немало получила извне: буддизм, ислам, многие культурные и материальные ценности. Монгольское владычество определяющим образом сказало на ее истории. Но в свою очередь китайская цивилизация оказала широкое влияние и на своих соседей, она экспортировала диаспоры сначала в Юго-Восточную Азию, затем по всему миру.

Европа, как и страны ислама, представляет некоторое единство, хотя и частичное. Римская империя, существовавшая пять веков, охватывала почти все побережье Средиземного моря. Европа складывалась в течение 15 последних веков, являлась Европой многообразной (множество языков и культур) и разьединенной. Единство ее цивилизации, которое всегда подразумевается, было единством «наверху»: экономика обмена, религия (и то с оговоркой, так как христианство разделилось сначала на две, а затем на три разновидности: католицизм, протестантизм, православие), культура элит. Бродель высказывал мысль о том, что в каждую эпоху своей истории европейское пространство определялось своеобразным «эхом» той или иной культурной инновации (римское искусство, готика, барокко и т.д.). Эта цивилизация затем распространилась на Восток, включив в себя между XVII и XVIII веками Россию. Она дала свои корни на противоположном берегу Атлантики и в самом сердце Тихого океана. Она смогла распространить свое влияние и на остальную часть мира, не унифицируясь политически. И процесс нынешней унифика-

ции, значительно и успешно продвинувшийся в экономическом плане, сталкивается в настоящее время с сопротивлением национального партикуляризма.

То же самое было и с исламом. Его политическое единство продлилось еще меньше, а его языковое единство было быстро утрачено, когда ислам вышел за границы арабского мира в направлении субсахарской Африки, с одной стороны, и Азии — с другой. Известно, что неарабский ислам в демографическом отношении превосходит ислам арабский. Коран там читают по-арабски, но арабский язык не понимают и чаще всего не переводят. Христос говорил и проповедовал на арамейском языке, на котором в то время говорила значительная часть Ближнего и Среднего Востока. Его проповеди смогли распространиться в Римской империи после того как были переведены на греческий и латынь.

Сравнение этих различных траекторий развития религий поможет нам лучше понять, что такое цивилизация вообще, и в чем состоят специфические черты каждой из них. Европейская и исламская цивилизации развивались параллельно, оказывали друг на друга сильное влияние, и в конце концов научились уважать друг друга. Сегодня они могут развивать новые формы взаимодействия.

Остается надеяться, что большие цивилизации, о которых мы сегодня говорим и которые разделили мир, представляют лишь один из уровней нашего многообразия. Того многообразия, которое мы хотим сегодня спасти от забвения и смерти, которое приглашает нас к путешествию во времени и пространстве. Не случайно сегодня религия или принадлежность к религии стала одним из ключевых элементов сопротивления глобализации и борьбы за разнообразие. Религия предстает в глазах тех, кто хочет в ней видеть твердое ядро цивилизаций, одновременно и прошлым, и современным, одним словом — идентичностью. Ислам часто принимает формы насильственного упрощения (фундаментализм), в то время как, например, европейские общества, причисляемые к «христианским», являются в значительной мере секуляризованными и частично светскими.

Нам остается внести другое содержание в эту идентичность и в это многообразие, сделать их более комплексными, более открытыми к обмену и диалогу. И прежде всего следует вспомнить, что в масштабе Старого Света (Азия и Европа) мы являемся свидетелями возвращения к состоянию равновесия, имевшемуся до XVIII века: Азия обретает свое место и относительный вес, которые были ей тогда свойственны. ■

Перевод: к.п.н. С. Федоров, к.э.н. К. Вяткин